Житие преп. Паисия Нямецкого (Величковского)

Преподобный Паисий родился в городе Полтаве, в семье Иоанна Величковского в 1722 году 21 декабря, на память преставления святителя Петра Московского и всея Руси чудотворца, и наречен был во имя этого святого. Отцовская линия Петра была духовного сословия — брат, отец, дед и прадед были священниками, окормляя один и тот же приход города Полтавы — церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы. Четырех лет от роду младенец лишился отца, а в отрочестве лишился и брата (1, с. 48).

Попечителем и воспитателем Петра стала его мать Ирина.

Грамоте отрок был обучен по Псалтири и после этого по желанию матери и прихода Успенской церкви на тринадцатом году был отдан на учение в Киевскую Духовную Академию (1, с. 48). Здесь, в Академии, впервые Петр стал тянуться душой к монашескому житию; мудрым наставником в этом его стремлении был иеросхимонах Братского Богоявленского монастыря Пахомий, открывший в душе своего воспитанника чувство благоговения перед Словом Божиим.

Когда Петру исполнилось семнадцать лет, он пожелал удалиться в монастырь и там постричься в монахи (2, с. 55). В это время с ним произошла история, сохранявшаяся в памяти старца Паисия всю жизнь.

Петр обратился к настоятелю Китаевской пустыни, что под Киевом, с просьбой оставить его в монастыре для принятия пострига. Настоятель пригласил Петра в келию и там троекратно предложил ему сесть на стул, но Петр остался стоять у дверей, явив этим в глазах настоятеля несовершенное смирение. На это игумен сказал ему: “О брате, ты молишь меня принять тебя во святую обитель нашу монашества ради. Но я в душе твоей не вижу и следа монашеского устроения. Не вижу в тебе смирения Христова. Не вижу в тебе послушания и отсечения воли твоей и рассуждения, но сопротивное все” (3, с. 519). Этот отказ сильно опечалил юношу, но через того же наставника услышал он, что на все укорения, от кого бы они ни исходили, истинный инок должен отвечать “прости, отче святый, согреших” и не говорить более ни слова оправдательного.

Эту историю потом всегда рассказывал преподобный ученикам своим как урок для послушания.

После случившегося Петр должен был опять приступить к академическим занятиям, однако, прожив так до лета, он вновь оставляет академию, и по благословению духовника своего Пахомия, отправляется в Любечский монастырь, основанный преподобным Антонием Печерским. Чадолюбивый игумен Никифор (Коханский) принял юношу и благословил его келарствовать. Образ этого первого для Петра игумена оставался образцом ему всю жизнь во все дни его старческих подвигов. Здесь же в Любечском монастыре началось для

Петра его первое послушание по списыванию книг. Один из иноков обители иеромонах Иоаким, увидев большую любовь Петра к святоотеческим творениям, предложил юноше "Лествицу" Иоанна, игумена Синайского. Послушанием инока стала теперь работа по переписыванию "Лествицы".

Вскоре в Любечском монастыре произошли перемены. Игумена Никифора сменил Герман (Загоровский), который настоятельствовал “не по подобию прежняго игумена, но — властительски” (1, с. 64). Однажды Петр, со страху не выяснив, о какой пище просил его настоятель, досадил последнему своею непонятливостью, за что и был с гневом выгнан. (4, с. 12). Петр рассудил, что если за малый грех такое ему наказание, то каковое же будет за большее прегрешение. После случившегося, он ночью тайно вышел к Днепру, и, помолившись Богу, перешел на другую сторону по льду.

Между тем, во все время пребывания Петра в монастыре, его мать Ирина скорбела об уходе сына. Дабы вернуть его домой, она, наложив на себя пост, стала ежедневно читать акафист Божией Матери. Вскоре ей было открыто, что сын ее Петр непременно будет монахом. Как она потом рассказывала духовному отцу и родственникам — ей был явлен Ангел, сказавший: “О, окаянная, что это ты делаешь? Вместо того, чтобы от всей души и от всего сердца твоего возлюбить тебе Господа Бога Создателя Твоего; ты больше твоего Создателя возлюбила создание Его — твоего сына и ради нерассудной и богопротивной любви твоей умыслила сама себя голодом уморить и за это вечному осуждению подпасть. Но да будет тебе известно, что сын твой, благодати Божией споспешествующей, непременно будет монах. Подобает же и тебе подражать в этом сыну твоему отречься от мира и всего, что в мире, и быть монахинею; тако бо есть воля Божия; да научатся и прочие родители не любить чад своих паче Бога” (4, с. 14–16).

Вскоре приняла Ирина монашество с именем Иулиании в Старопокровском монастыре близ Полтавы. Это освобождало Петра от домашних обязанностей и открывало ему путь к постригу (4, с. 16). Выйдя из Любеча, Промыслом Божиим достиг Петр пустынника Исихия у Моншенских гор, постоянным рукоделием, которого была переписка книг святых отцов. Два раза просился Петр к нему в послушание, но смиренный старец всякий раз отвечал: “Немощи ради души моея не могу тебя принять”; Петр, сочтя причиной отказа свое недостоинство, опечаленный и расстроенный решил продолжить свой путь в какую-нибудь другую обитель.

Вскоре он приходит к обители святителя Николая — в Медведовский монастырь на реке Тясмин. Здесь в день Преображения Господня в 1741 году Петр был пострижен в рясофор с именем Парфений; однако братия, смиряя его, постоянно, как бы по ошибке, стала называть его Платоном. Неоднократно просил Парфений у игумена позволения называться именем пострига, но никак не преуспел в этом и смирился. Старец-восприемник, не дав ему никакого правила, сам де ученый, удалился через несколько дней после пострига, так что постриженник

лишился не только имени, но и духовного отца своего, не видав его потом уже никогда. Недолго пришлось подвизаться здесь иноку Платону, ибо униаты воздвигли гонение на православие. Медведовским монахам было предложено принять унию, и по их отказе церковь монастырскую власти опечатали, а братия разошлась, — Платон же, Мартирий и Крискент ушли в Киевскую лавру, где и нашли приют. Здесь хотел остаться инок Платон на постоянное жительство, однако один лаврский прозорливец старец Ковальский предрек ему новое странничество. Инок Платон сначала сомневался в его словах, но появившийся в лавре друг по академии Алексей вновь пробудил жажду пустынничества и странствия, напомнив об их обете юности, — не жить в обителях телесного довольствия и достатка (4, с. 8).

На этот раз инок Платон отправился в Валахию. Путь странствия пролегал через келий и пещеры подвижников скитских и пустынных Матроненского монастыря, скита Кодрица, скита Долгоуцы и, наконец, скита Трейстены — Свято-Никольского.

Все эти обители были окормляемы старцем Василием Поляномерульским (или Мерлополянским).

Видя ревность по Боге и опытное восхождение в смиренномудрии инока Платона, братия предупредила его о том, что, когда придет старец Василий Поляномерульскпй, он будет звать его к себе в скит Мерлополяны на священническое служение. Однако монах Досифей предупредил Платона, чтобы он принимал сан лишь в том случае, если уверен, что, будучи в сане, сохранит в себе правила и заповеди святых отцов, в противном случае пусть принимает сан в зрелом возрасте телесном и духовном (1, с. 75).

Старец Василий, действительно, удивившись опытности молодого монаха, предложил ему принять священное рукоположение, на что преподобный отец ответил: “аз не имам намерения в такой великий и страшный сан и до смерти моей вступить” (4, с. 19).

Послушанием Платона было стеречь монастырский виноград. В трудах он однажды, не услышав монастырское било, проспал на богослужение. Дойдя до церкви ко времени чтения канона, “от смущения не дерзнул войти в нее, впал в отчаянный плач и сетование, и даже на литургию и трапезу не явился, седяше под древом на земли и горько плакаше” (4, с. 20). Инок Афанасий по повелению игумена отыскал его и принудил явиться перед братиею. Платон упал перед игуменом и собором “на землю, плача горько, и рыдая неустанно, и прося прощения” (4, с. 21). Старец Михаил, видевший слезы Платона, сказал: “Видите братие, сего брата, толику ревность по Бозе и печаль огненну имуща: пусть он будет всем вам в образ и в подражание к усердному на правило церковное востанию и хождению” (4, с. 23). После этого события инок Платон, чтобы более не проспать, решил совсем не ложиться на одре, но отдыхать только сидя на лавке.

В скором времени Платон вновь решил отправиться в путь; на этот раз он идет в горный скит Кырнул во имя св. Архистратига Михаила. Здесь с благословения старца Михаила Трейстенского и начальника Кырнульского скита, иеромонаха Феодосия, началось пустынножительство отца Платона, который, “седе в келий своей радуяся и со слезами славя Бога, обучался истинному монашескому безмолвию, — матери покаяния и молитвы” (4, с. 25). К этому времени плодом странствования отца Платона по обителям и пустыням Малороссии и Молдо-Влахии явилось опытное знание послушания, смирения и умной молитвы, в сердце совершаемой (4, с. 28), которую старец непрестанно совершал до самой своей кончины.

Наконец, инок Платон оставляет и это место, отправляясь в новое странствие, — на сей раз на гору Афон. Это было последнее путешествие, которое преподобный совершил по своему желанию; все последующие его хождения были вынужденными оставлениями монастырей. До Афона отец Платон поселялся в пустынях, а после Афона — в общежитиях.

Умолив старцев Василия Поляномерульского, Михаила Трейстенского и Онуфрия Кырнульского отпустить его и благословить на гору Афон, добрался Платон до Святой горы со многими трудностями, и спустя четыре дня по прибытии на Афон, отец Платон остался один, — спутник его иеромонах Трифон, заболев, скончался (4, с. 33).

Многие места Святой горы обошел инок Платон, ища старцев, сильных в подвиге и в знании святоотеческих писаний, и не найдя таковых, вселился один в пустыню, пробыв в этом подвиге сорок месяцев (1, с. 81). “Кто же может исповедати вся его подвиги, егда пребываше един с Единым Богом, сущу ему в разженном Богорачении” (4, с. 33). В это время на Афон явился отец молдавских пустынников и старцев Василий Поляномерульский. Найдя блаженного Платона, беседовав с ним несколько дней и ночей, по просьбам пустынника облачил его в мантию с переменой имени на Паисий; ему в то время было двадцать восемь лет.

Спустя некоторое время монах Виссарион пришел к старцу Паисию, прося оставить его жить при себе в послушании. Старец, знающий на опыте своем такую же жажду, предложил Виссариону жить вместе и творить равно для обоих все подвиги, телесные и духовные.

Преподобный Паисий учил, что истинным наставником в деле спасения души может быть только тот, который сам понуждает себя творить все заповеди Господни, по слову Писания: “Иже сотворит и научит, сей велий наречется”. Какого бо инаго наставить на путь может, имже сам не хождаше?” (4, с. 36).

Соблюдение заповедей Господних и научение всему тому ближних — таков образ святости, достигнутый старцем Паисием.

Старец Паисий не считал себя достойным учительствовать, поэтому согласился принять Виссариона только в качестве друга, но не ученика,

чтобы обоим вместо отца и наставника иметь учение святых и Богоносных Отцов Церкви (4, с. 40–41). С таким условием принимал святой Паисий и других братьев, посему возникло среди паисиева братства стремление собирания писаний святых отцов, традиция книжности.

Это было необычно для афонских монастырей того времени — большинство монахов книг не имело, а о святых писателях даже и не слышало (4, с. 44). Поэтому каждая находка древней книги была поводом для большой радости преподобного Паисия; однажды он увидел у монаха-каппадокийца на столе книгу св. Петра Дамаскина, которую тот переписывал; старец много позже писал: “Не могу сказать, какой неизъяснимой духовной радости я исполнился, когда увидел ее. Я думал, что на земле вижу небесное сокровище” (6, с. 11). Такое книжное накопление сопутствуемо было нестяжанием в духе преподобного Нила Сорского, ибо преподобный Паисий “не имяше бо ниже срачицы (нижней одежды), точию един подрясник и ряску искропаны (изодраны) и в заплатах” (4, с. 34).

Вскоре братии собралось до двенадцати, и назрела необходимость в священнике и духовнике, поэтому не только собратия, но и другие афонские подвижники стали умолять Паисия принять священный сан. Рукоположен отец Паисий был в 1758 году в возрасте тридцати шести лет. Будучи иереем, преподобный Паисий никогда не мог совершать Святую литургию без слез (4, с. 47).

Братия с благословения патриарха цареградского Серафима переселилась в Ильинский скит монастыря Пантократор. Этот скит стал по примеру других национальных на Афоне монастырей обителью малороссов. Здесь находили упокоение выходцы из Запорожской Сечи и других мест Украины. Старец Паисий за сто лет предсказал славу этого скита: “Со временем будет в скиту другой Паисий, и при нем обитель устроится, возвеличится и прославится”. Пророчество осуществилось в середине XIX века при игуменстве Паисия II (3, с. 531).

В Ильинской обители было установлено общежитие, которое по примеру святых отцов преподобный Паисий уподоблял страстям Господним (1, с. 135) или “Земному небу”, посреди которого насаждено Богом древо жизни — Треблаженное послушание (1, с. 137).

Вскоре начали посещать паисиево братство испытания. Один монах Афанасий, имевший под своим началом скит Капсоколив, начал публично осуждать образ жития паисиева братства за их книжное собирание и опущение молитвенных правил. Отец Паисий по ряду выражений в письме понял и объявил Афанасию, что он даже и Евангелия не читал, а пытается учить братию и хулить Священное предание, содержащееся в святоотеческой письменности (1, с. 319). По поводу же молитвенных правил старец ответил — слово в слово как на такое же обвинение ответил тысячу лет назад Нил Синайский, — для пения тропарей, прокимнов, канонов и прочего необходимы иерархические чины: чтецы, певцы, диаконы, священники (7, с. 328–

329); пустынникам же подобает читать псалтирь, молитвы и святоотеческие писания.

Афонское пустынно-общежительное пребывание преподобного Паисия длилось семнадцать лет. В это время на Афоне начались притеснения христиан со стороны мусульман, по причине этого старец оставляет Святую гору и возвращается в Молдавию.

В Молдавии нашелся пустующий Драгомирнский монастырь Святого Духа, куда с позволения господаря Григория и благословения митрополита Ясского Гавриила вселился старец Паисий с братиею. Молдо-Влахия тех времен была прибежищем монашествующих со всех окрестных стран, — это время закрытия монастырей в России (введение штатов) и униато-католического наступления на православных юго-западных славян; за три года число Драгомирнской братии утроилось (4, с. 70). Устроитель братства отец Паисий написал и ввел устав по чину св. Василия Великого, св. Феодосия Великого, св. Феодора Студита и Афонской горы. Основные идеи этого устава — нестяжательность (“ниже малейшей вещи не имети”), отсечение воли и послушание, умная молитва и чтение книг, непрестанное рукоделие и бытовое благочиние (образцовая больница, странноприимница, церковные художества и другое) (3, с. 533–537). С наступлением долгих зимних вечеров до Лазаревой субботы по вечерни старец Паисий собирал вокруг себя всю братию, попеременно славян и молдаван, и читал от святых отец поучения — Василия Великого, "Лествицу", авву Дорофея, Симеона Нового Богослова и других.

В этом же монастыре преподобный принял схиму без перемены имени.

Паисиевская книжность — переводы и переписка расцвели здесь во всей красе; монахи различных языков трудились по распространению святоотеческих творений и составляли славянский свод Добротолюбия. Земля, на которой помещался Драгомирнский монастырь, после русско-турецкой войны (1774) отошла к католической Австрии; авва Паисий, не видя возможности мира духовного Восточной Церкви в новом государстве (4, с. 69), решил уйти и увести за собой всю братию — 350 человек.

Господарь Григорий Гика и митрополит Гавриил предоставили им уединенный в горах бедный Секульский монастырь Усекновения Главы Иоанна Предтечи.

Житие в Секуле было по образу Драгомирнскому, но братия умножилась, переполняя все келий и строения, поэтому преподобный отец обратился к господарю Константину Мурузу о помощи в строительстве келий. К изумлению и смущению старца Константин повелел переселиться братии в богатейший Нямецкий монастырь. “Предвидя разорение и погибель устроения душевного братия, к сему же яко имать упразднитися общее поучение братии” (4, с. 73) старец стал просить господаря не переводить его мирное братство в многолюдный монастырь, часто посещаемый мирянами; Константин же

на все мольбы ответил: “Сотвори послушание, иди в Нямец, ничтоже рассуждая” .(4, с. 76).

В Секуле осталась часть братии, а другая весте с аввой Паисием переселились в Нямец. Войдя накануне Успения в 1779 году в соборную церковь Нямецкого монастыря с пением “Достойно есть”, братия поклонилась святым иконам, старец же, подойдя к иконе Пресвятой Богородицы, вручил себя и братию покрову и окормлению Божией Матери (1, с. 104).

В Нямце житие было устроено отцом Паисием по образу Драгомирны и Секула — общежитие, умная молитва, переписка и чтение святоотеческих книг, ежедневное (утром и вечером) исповедание помыслов духовникам. Паства преподобного умножилась — в Нямецком монастыре были иноки более чем десяти национальностей, и число их к 1790 годам возросло до тысячи человек (8, с. 51). В то время это была самая многолюдная обитель Восточной Православной Церкви. Авва Паисий кроме этого монастыря окормлял по-прежнему Секул и другие окрестные монастыри и скиты. Подлинно вселившись в пустыню, заселил он ее плодами Божественного Добротолюбия.

Окормляя многочисленных пасомых, авва по достоинству должен был принять сан архимандрита, что и совершилось в 1790 году при посещении Нямца архиепископом Екатеринославским Амвросием.

На протяжении всего времени старческих подвигов в молдавских монастырях авва Паисий учил братию умной молитве, продолжая единую линию отцов Добротолюбия, св. Григория Синаита, св. Григория Паламы и преп. Нила Сорского.

Отец Паисий приводит многочисленные доказательства и свидетельства святоотеческого почитания умной молитвы: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”, которая есть и моление, и исповедание веры, и само спасение. Всяким видам Христианской молитвы старец находит место и значение по их достоинствам и благоплодию: “Умно-сердечная молитва — для преуспевающих, для средних — пение, т. е. обычные церковные песнопения и для новоначальных послушание и труд” (5, с. 29).

Многотрудная жизнь старца подходила к своему земному концу. Поболев пред кончиной и преподав чрез Софрония — духовника славянской братии и Сильвестра — духовника молдавской братии благословение всем с кем был связан духовными узами подвижничества, он с миром преставился в 1794 году 15 ноября; пожив 72 года. Погребен преподобный Паисий в Нямецком монастыре в соборном храме Вознесения Господня у южной стены.

Житие и деяния старца Паисия сказались на духовной истории сотни российских монастырей (1, с. 112). Известные пустыни — Софрониевская, Глинская, а в особенности, Оптина, определявшие духовное возрождение русского народа в XIX века, были продолжательницами духовного наследия старца Паисия.

Старцы оптинские — Моисей, Леонид, Макарий и Амвросий явились учениками того дела, которому так много послужил знаменитый архимандрит Нямца и Секула — преподобный Паисий (9, с. 405).

Преподобный Паисий канонизован за святую, подвижническую жизнь, как молитвенник, совершатель и учитель умной Иисусовой молитвы, как восстановитель в русском монашестве спасительного подвига старчества, как духовный писатель, оставивший в своих трудах назидательный пример для восхождения чад церковных по пути духовного совершенства.

Библиография

1. Иеромонах Леонид (Поляков). Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературная деятельность. Диссертация на соискание ученой степени Магистра Богословия. Ленинград, 1956.

2. Автобиография старца Паисия, л. 9, цит. по иеромонах Леонид. Схиархимандрит... с. 55.

3. А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. Спб., 1905, с. 519.

4. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847, с. 10.

5. Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественнаго писания. О заповедях Божиих и о святых добродетелях, архимандрита Паисия Величковского. Одесса, 1910.

6. Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и литературно-аскетическая деятельность. М., 1909.

7. Скабалланович М. Толковый типикон. Киев, 1909, с. 328–329.

8. Записка о. Феофана, архим. Кирилло-Новоезерского монастыря. Странник, 1862 г., январь, с. 51.

9. Козельская Оптина пустынь и ее значение в истории русского монашества. Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1893, сентябрь-декабрь, с. 405.